

Курс “Духовный путь личности.”

Лекция 1. “Взросление.”

28.01.2019 г.

https://youtu.be/bSb_Fbk5Ls?si=YJUK4ZwV-ekhXEgu

2:02:02

о. Андрей Лоргус:

Тема первой лекции — это взросление. Мальчик или мужчина, девочка или женщина. Это относится и к тем, и к другим.

Взросление — это неперенные условия начала духовного пути.

Взросление — это и предмет психологического роста и развития личности, потому что без этого, как условия дальнейшего пути, невозможно развитие человека. Только зрелый человек может поставить перед собой важнейшие вопросы о смысле жизни, о том, к чему он движется и каким путём.

Ну что же, включён, да? Слышно? Хорошо.

Начинаем тогда. Хотя тут всегда меняется окружающая изобразительная атмосфера. Сегодня она достаточно напряженная.

Но ничего, бывало и такое. С нами бывало и такое. Итак, первым делом хочется выразить такую радость, что я вновь здесь, в этом доме, в этом зале.

Вижу много знакомых лиц. И могу вам сказать всем добрый вечер. Мне очень приятно, что, несмотря на все сложности организовать, провести, подготовить такой курс лекций, он всё-таки возможен.

И вот он начинается. Хотя в этом семестре он будет не такой большой, как в прошлом. Здесь всего шесть лекций.

Но, тем не менее, это достаточно интересно, это приятно. И для меня это новый этап в этой теме. Потому что в прошлые годы я эту тему читал студентам своего факультета.

Это было более научно, методично, последовательно. А здесь же это, скорее, всё-таки некая беседа и представление. Некий образ того, что наработано было нашим факультетом.

Я должен вам признаться, что то, что я вам буду здесь рассказывать, на этих шести лекциях, это только вершина айсберга. А его большая часть подводная, вернее, часть подводная, будет разрабатываться на семинарах по той же самой теме, более камерных, которые будут следовать за лекциями. Вот здесь на столе у меня лежит расписание на жёлтых листочках.

Вы там можете прочитать, если кому-то будет интересно, расписание тех семинаров, которые будут идти не здесь, конечно, а в другом месте. И там будет как бы разработка тех тем, которые я здесь заявляю. О духовной жизни говорить всегда трудно, во все века трудно, потому что это, как предполагается, самая сокровенная часть человеческой жизни, человеческой устремленности.

О духовной жизни говорить всегда очень трудно, потому что это разговор о высоком. А для того, чтобы об этом говорить, неизбежно требуется и такой же высокий уровень самого говорящего. И поэтому приступать к вопросу о духовности, о духовном, разумеется, можно только тогда, когда пройден и какой-то собственный путь.

Но меры собственного пути, который давал бы право начинать говорить об этом, меры такой нет. Нет такой награды, или такого статуса, или такой должности, когда человеку выдавали бы путёвку, как лектор общества знаний, сказали бы, ну вот теперь ты можешь, иди и читай. Скорее всего, эту путёвку нужно самому себе выписать.

И сказать себе, вот теперь я... И вот тут модальность раздваивается. Что сказать?

Могу? Не могу. Хочу?

Хочу. Боюсь? Боюсь.

Я всё-таки иду. То есть тут некий баланс внутреннего дерзновения, опыта, желания поделиться, желание втянуть вас в беседу, потому что у каждого из вас тоже есть пройденный путь, тоже есть собственный опыт. Вне зависимости от того, как духовный путь состоялся, как он открылся, как он прошёл, я имею в виду в религиозной части своего пути или в нерелигиозной, через страдания, через достижения или нет, может быть, в тихом, скромном движении, поступательном движении этапов жизни.

И так и так бывает по-всякому. Поэтому, как вы видите, я понятие духовного расширяю. Ну, не только я.

Расширяю с тем именно смыслом, чтобы говорить не только о религиозном духовном пути, но и о том состоянии и пути человека, который может быть пройден до религиозного или в нерелигиозного образа жизни человека. Это означает, что духовность — это не только вера. Это означает, что духовный религиозный путь может включать в себя некий этап подготовительный, а может быть параллельным тому, что происходит с человеком вне веры.

Конечно, мне было бы проще рисовать, ну, так, по привычке школьной на доске, но поскольку доски нет, то я буду так показывать на пальцах. Прежде всего, я несколько слов потрачен то, чтобы высказаться по поводу того, что же такое духовное, что такое духовность. Не особенно погружаясь в какие-то определения или в богословие этого, я бы хотел сказать, что духовная жизнь человека может пониматься по-разному.

Ну, можно сказать, так есть некий возвышенный план — жизнь в Духе Святом и вообще жизнь в Духе. И, может быть, некий иной план, более пониженный, можно было бы сказать, что это духовная жизнь на стыке с жизнью душевной, исходя из того деления, что есть Дух, есть душа, есть тело. Какому же слою я отдаю предпочтение?

С точки зрения того, что я психолог и много говорю о психологии, мне казалось бы, вот этот слой более низкий, где Дух соприкасается с душой, где душевная жизнь возвышается до духовных аспектов, это, казалось бы, он и есть для меня очень важный. Но, с моей точки зрения, это деление условно. С моей точки зрения и душевная жизнь может совершаться в Духе, потому что есть некие пиковые состояния человеческого бытия.

Это могут быть трагедии, это могут быть серьезнейшие переживания, это могут быть успехи, это может быть экстаз, это может быть падение, отчаяние, которые тоже есть пиковые переживания, и там есть жизнь Духа. Даже в самых простейших, элементарных, психофизиологических состояниях мы можем переживать жизнь Духа. Поэтому деление — это условно.

Жизнь человека целостна всегда, в ней есть всё, и то, и другое, и третье, и Дух, и душа, и тело. Более того, жизнь тела одухотворена. Трудно представить себе такое, это я говорю сейчас как антрополог с точки зрения православной антропологии, трудно представить себе такое состояние

человека, или часть человеческого тела, которая была бы не одухотворена, нет такого в человеке.

Все акты поведения, все формы и нормы человеческой жизни – и социальные, и политические, и бытовые, и жизненные, физиологические – они все одухотворены. Что бы человек ни делал, он выступает всегда как существует духовное. Если он берет кусок хлеба и пытается его быстро съесть, хочет он того или не хочет?

Об этом свидетельствовало много в XX веке. Слава Богу, с коркой хлеба люди жили иногда, прощаясь с жизнью, жили на пике своих возможностей и в лагерях, и во время войны, и голод. Поглощая этот последний кусочек хлеба, он не мог не думать о том, просто вот хотел бы, но не мог, что есть кто-то, с кем он мог бы разделить этот кусочек.

И если он ест, значит другой не ест, и он может погибнуть от голода, а он может выжить. Почитайте все биографии жизни, описания в лагерях, и во время голода, и во время блокады. Разве там, когда ребенок оставался один в большой ленинградской квартире, где в каждой комнате лежало по оледеневшему трупу, и когда ребенок решался выжить в этой ситуации, и выживал иногда, я говорю, именно решался выжить, разве это существование, сведенное на грань животного существования, где вопрос стоял только об одном, о выживании физическом.

Разве этот момент не был духовным? Разве там этот ребенок не подвигом духа выживал? Я уже не говорю о подобных подвигах взрослых людей на грани жизни и смерти, при угрозе жизни и так далее.

Поэтому можно смело сказать, что нет такого состояния человека, нет такого его существа, такого момента, где бы он жил целиком, скажем, только телесной жизнью или только душевной жизнью. Нет, везде есть и духовная составляющая его жизни. И все-таки что есть жизнь в духе?

В религиозном смысле жизнь в духе можно представить себе трояко. Это жизнь с Богом, это жизнь с самим собой, жизнь с демоническим присутствием, с дьяволом. Все эти три составляющие присутствуют в нашем внутреннем мире.

Это религиозный план. В нерелигиозном плане человек в духовной жизни также встречается с самим собою и с тем, что он может называть иное. Божество, Бог, абсолют, нечто и так далее.

То есть во внутреннем мире нашем мы всегда не одиноки, мы всегда встречаемся с кем-то и как минимум с самим собой. Наверное, духовная жизнь с этого момента может считаться именно таковой. Когда мы действительно встречаемся, погружаясь в себя, в свое, в я, в внутренние переживания, осознанно погружаясь, мы встречаемся там с кем-то.

И вот тут уже выбор человека, первый выбор человека сияет. Если человек готов к этой встрече, то он встречается. И первый, с кем он встречается, это он сам.

И выбор его заключается здесь в том, посмотреть себе в лицо, себе в глаза, заглянуть в свое сердце или отвернуться. Или сказать, нет там никого. Или сказать, что там просто жизнь, вот там голод и жажда, радость и скорбь, удовольствие и отвращение.

Вот и все, больше там ничего нет. И многие так и делали. Мы можем найти изощренные философские системы, достигши очень высоких знаний о себе, в которых, собственно говоря, разлагая анатомически свой внутренний мир, человек самим собою так встретиться и не пожелал.

И я думаю, когда человек отказывается от такой встречи, его отношение к духовной жизни можно назвать как отрицающее. Саму духовную жизнь. Дальше ничего не будет.

На мой взгляд, именно так. Да, человеку требуется еще один подвиг, если он внутренне встречается с Богом. И тогда эта духовная жизнь становится религиозной духовной жизнью, жизнью в духе.

Но там же, и об этом сказал и Достоевский, и Бердяев, и Фрейд, и Ницше, и Франкл, что там же, в этом внутреннем мире, можно встретить не только себя и Господа, но еще и встретить там дьявола. Можно по-разному называть, но так или иначе мы в себе опознаем и встречаемся с тем миром, который угрожает нашему бытию внутреннему, угрожает и препятствует. Препятствует и проявляет свое, не только мрачное и ужасающее лицо, пугающее лицо или личину, но еще и представляет собой нечто антологически противостоящее нам.

И являет лицо некое такое, в котором нет ни жизни, ни правды, ни свободы, ни творчества. Встреча с дьяволом отрицает самого человека, отрицает все основные его качества, отрицает Бога, отрицает и духовное начало в человеке. И это тоже правда.

Вот так представленная духовная жизнь, вот из этих трех компонент, она, тем не менее, является бы нечто цельное. Несмотря на то, что это действие Бога и действие дьявола, действие самого человека, в нем есть нечто цельное. Это цельное прежде всего представлено тем, что все это происходит во внутренней жизни человека.

А во внутренней жизни человека есть только одно действующее лицо. Это он сам. Стало быть, во всех этих слоях, в божественном, в собственном и в демоническом, он один на один с этими слоями бытия.

Это все я. Это все мой внутренний мир. Он весь объединен вот этой прежде всего цельностью.

И в каждой из этих точек, в каждой из этих слоев я остаюсь тождественным самым самому себе. Действует ли во мне божественная благодать? Или я встречаюсь там с тем иным, с тем другим, которого я чувствую как демоническое влияние?

Это все равно я. И это тождество себе самому, оно, с религиозной точки зрения, оно очень важно, потому что оно ведет к ответственности. Действует ли во мне божественная благодать?

Она во мне действует. Она ко мне обращена. И от меня ждет ответа.

Препятствует ли мне в духовной жизни демон? Он обращен ко мне. Мне препятствует.

И это я могу дать ему ответ. И тогда возникает очень важный вывод. Духовная жизнь соединена единой ответственностью, единой свободой.

И вне зависимости от того, какова природа того воздействия, которое я в себе ощущаю, равным образом я несу ответственность, равным образом в этой встрече я свободен. Человек свободен перед Богом, перед воздействием его божественной благодати. Свободен.

Он может ее принять и не принять. Точно так же он свободен перед ликом или личиной дьявола. Он может с ним согласиться или отказаться ему.

Он продолжает быть свободным и продолжает нести ответственность. И в этом цельность. Цельность еще также заключается и в том, что в этом внутреннем духовном пространстве между человеком и своей собственной личностью, между своим «я», между Богом и дьяволом, никто не посредничает.

Там нет никого. В этом мире, окружающем нас, здесь посредником всего является наша природа и окружающая нас, и составляющая нас. В этом мире есть мое психофизическое действие.

Здесь есть чувство, здесь есть предметы, здесь есть культура, здесь есть церковь, здесь есть мнение другого человека, здесь есть другой человек. Он может мне помогать, он может мне не помогать. Есть все вы, есть любовь и есть дружба, а там внутри, там внутри я один, мне посредник не нужен, но и никто там мне не помогает.

В этом смысле Берзиев был вправ, утверждая, что духовный путь личности начинается вот с этого обнаружения себя самого в своем внутреннем пространстве, с познания своего одиночества. Но это одиночество, так сказать, оно актуально, оно вот психологическое, потому что, по сути дела, когда человек встречается внутри себя с Богом, он не одинок. Даже не одинок тогда, когда он встречается с демоном или с дьяволом, потому что он понимает, что есть претензии на его место.

И эти претензии, они достаточно сильные. Во всяком случае, одиночеством тут не пахнет. Трудно в жизни человека, в конкретной, каждый из нас, в своей жизни трудно выделить начало духовной жизни.

Когда она начинается? С чего она начинается? Что можно назвать?

Это, пожалуй, вот то, что пунктирной линией продолжается в наше прошлое. Такого, такого точно места, где моя духовная жизнь началась, наверное, трудно найти. Хотя у каждого из нас есть некоторое воспоминание, отроческое или детское, когда я задумывался о смысле бытия, о себе самом, кто я такой.

Может быть, это первое детское переживание смерти. Может быть, это первое детское переживание трагедии, страдания, а может быть, наоборот, радости или счастья. Наверное, это у всех по-разному.

Но является ли именно эта точка в наших воспоминаниях действительно началом духовной жизни? Это вопрос, на который нельзя ответить. Нельзя ответить, и тогда возникает искушение сказать, что, наверное, и нету возможности нам точно назвать предмет этого начала духовной жизни.

Но для меня важно, что духовная жизнь начинается с одних и тех же вопросов, которые человек задаёт себе и задаёт другим. В чём смысл жизни? Кто я такой?

Почему я здесь? И почему я задаю себе эти вопросы? Как бы ни разворачивалась в предметном, в окружающем смысле жизнь человека, она состоит в основном из этих вопросов, из вечных вопросов.

И когда родители застают своего ребёнка размышляющим об этих вопросах, они понимают, ну вот, у подростка начались вечные проблемы. Как ему теперь помочь, и как ему теперь тяжело, и что с ним, собственно говоря, делать теперь. Один из самых таких важных родительских открытий здесь заключается в том, что помочь мы ребёнку не можем.

Потому что, как бы мы не хотели облегчить ему вхождение в его внутренний мир, в его личности, в его духовный путь, он проделывает это сам. В этом смысле Бердяев был прав, что путь этот человек проделывает в одиночестве. Мы можем только быть рядом.

Мы можем рассказать о своём пути, поделиться своим опытом. И этот опыт, безусловно, чрезвычайно важен. Посмотрите, сколько здесь, в соседнем зале, биографий, воспоминаний, рассказов о других, о жизни замечательных людей, детей святых и так далее.

Всё это есть не что иное, как опыт другого человека, который прошёл своим духовным путём. Поэтому-то писать дневники важно и полезно. Биографии важны и полезны.

Надо делиться. Потому что тому, кто впервые вступает на этот путь, или вступает в определённый этап этого пути, который переживает боль, страдания, одиночество, очень важно. А как у другого было?

Ведь, в общем-то говоря, мы все люди, мы все идём одним путём. А как у другого это было? Переживание опыта другого не облегчает нам собственный путь, но облегчает нам понимание того, что мы можем, какие силы есть у меня для того, чтобы преодолеть.

И может быть некое знание о том, как это происходит, какие признаки кризиса и так далее. Я сказал несколько слов о том, что такое духовная жизнь человека и духовный путь. Я бы ещё хотел выделить несколько аспектов духовной жизни в отличие от двух других.

От жизни в духе, о которой я буду говорить чуть-чуть в своих лекциях, потому что это скорее всё-таки аскетика, это скорее всё-таки богословие. И о нравственной жизни. Чтобы отличить нравственность от духовности, а духовность от мистики и аскезы, можно употребить такие сравнения.

Нравственность говорит об очищении человека, о добре и зле. А духовность говорит о преображении человека. О рождении нового.

О смерти старого, ветхого. И о рождении нового. А мистическое говорит о причащении с иным.

С божественным. Итак, между нравственностью и духовным есть примерно такое же отношение, как ремонт старой одежды, чистка или стирка, или покупка нового. Вот метафора.

Очищение или рождение. И тогда смысл религиозной жизни в таком ключе будет вполне понятен. Религиозная жизнь начинается с рождения нового.

Что здесь духовная жизнь, чем человеку способствует? С одной стороны, духовная жизнь может начинаться задолго до религиозной жизни. Подводить к ней.

То есть быть первым этапом восхождения человека к Богу. А с другой стороны, и то и другое может быть параллельным. И духовная жизнь, и религиозная жизнь может идти параллельно.

И я не вижу пока возможности представить себе, как это связано. И почему в одних случаях так, а в других эдак. Я думаю, что это просто вот из того, что мы должны констатировать.

Для меня главное отделить нравственность от духовности. Мне кажется, это важно. Вот почему.

Потому что некоторые аспекты духовной жизни не могут быть, не иметь нравственной оценки. Есть такие события в духовной жизни, которые ни плохо, ни хорошо, ни добро, ни зло. Когда речь идет о преображении человеческой личности, когда речь идет о рождении нового, там нельзя говорить об очищении.

Там есть рождение нового. Это совсем другой план бытия. И мне кажется, что это гораздо важнее нравственных норм и оценок.

Поэтому нравственность это скорее тот слой, который соединяет нас с другими. С социумом, с семьей, с родом, с нормами, с правилами. Духовное же соединяет нас с самими собой и с Богом.

Оно вводит нас в вертикальную жизнь, если хотите такое сравнение. Тема, которую я хотел сегодня и по большей части затронуть, касается одного только этапа духовной жизни. Он не первый, но он один из важнейших на пути зрелости человеческой личности.

Это этап, который метафорически я тоже называю переход от мальчика к мужчине, он свойственен как мужчинам, так и женщинам. Потому что взросление человека, переход от детства и подросткового возраста к зрелости, он происходит у всех. И в этом смысле личность человека проявляется в половом, но не определяется этим.

То есть, так сказать, мужчина или женщина, но путь-то, в общем, у личности один и тот же. Он происходит в разном контексте, в разном возрастном, психофизиологическом аспекте, социальном. Это верно, конечно, тут у меня нет желания все это объединить в одно.

Это скорее мальчик и мужчина, это скорее метафора. Но я все-таки, поскольку я сам мужчина, и мой личный опыт не может быть женским, он мужской, поэтому мне привычнее говорить в таких терминах, и я буду в них говорить. Почему приходится говорить о взрослении, об становлении взрослого человека?

Потому что, во-первых, моя пастырская практика и моя психологическая практика свидетельствуют, что для очень многих из нас это серьезная проблема. В этом году мы начали здесь цикл наших лекций с зависимости. Вот это как раз тема, в которой вопрос взросления встает в полный рост.

Взросление – это процесс, который свойственен человеку по природе в определенном возрасте, но может затянуться на сколько угодно долгий срок. Взросление – это переход от одного типа жизни к другому типу жизни, и этот тип жизни осуществляет личность. Личность может жить по детскому типу и по взрослому типу.

Это выбор, это неестественный процесс. Шуткуй, естественный процесс. Это рост тела.

Рост моего тела определен генотипом, определен гормонами и так далее. Вот это естественный процесс. Я вырастаю физически, у меня происходят различные, так сказать, процессы, растут органы, начинают действовать какие-то иные механизмы.

Вот это не взросление, это просто рост. Рост и развитие человеческого организма. Взросление – это психологический и личностный, в первую очередь, путь, который личность проходит или не проходит.

Это то, что не происходит обязательно с нами. Это то, что мы выбираем. Мы можем остаться детьми.

Можем остаться, и это будет наш выбор. К сожалению. Почему к сожалению?

Потому что детский способ жизни, он ограничен. Он приятен иногда, но он ограничен. В нем нет многообразия жизни, в нем нет разнообразия, в нем нет красоты, в нем нет всех тех бесконечного рода возможностей, которые открываются перед человеком взрослым и зрелым.

Но, с другой стороны, он симпатичен личности потому, что он проще. Он ему известен и понятен, причем понятен и известен с досознательного возраста, потому что у ребенка рождается с этим, его рождается его сознание уже в детском состоянии, ребенок другого не знает. И поэтому для каждого из нас наше детство, оно невыборное, оно неосознанное, оно нам свойственное, то есть это наше имманентное состояние, оно нам присуще, мы в нем родились, мы в нем живем.

А вот взрослость мы выбираем. Выбираем как путь, выбираем как этап, и от этого выбора мы отказаться не можем, потому что этот выбор подходит к нам в определенном возрасте, в подростковом, как правило, и в юношеском, и мы можем ему сказать либо да, либо нет. Если да, мы продолжаем развиваться, а если нет, то мы находим другие способы сохранения своего детского отношения к жизни.

И, к сожалению, очень многие люди либо полностью, либо частично используют такое отношение к жизни и выбирают такой жизненный подход. Как это происходит? Я начну рассказывать после маленького перерыва.

Одну минуту. Итак, продолжим. Почему же человек выбирает свое, так сказать, детское отношение к миру, то есть выбирает инфантильность, как мы говорим?

Ну, прежде всего, потому что очень часто и детьми, и взрослыми обладает страх. Страх жизни. И это очень понятное состояние для ребенка и для подростка.

Оно естественное, потому что жизнь обрушивается на маленького человека, даже если он живет в более-менее благополучном состоянии, обрушивается не самыми приятными своими сторонами. Прежде всего, это насилие, унижение, боль, ответственность, требования, которые выставляются человеку со всех сторон. Вещи вполне понятные.

В норме, берем это слово в кавычках, разумеется, потому что нет такой понятии, что такое норма. Нету. Ответить на вопрос на это невозможно.

Так вот, условно говоря, в норме человеку хватает собственной психической, духовной силы, чтобы всех требований, которые жизнь предъявляет маленькому человеку, выдержать и пройти сквозь них, не отвернувшись. Но как только человек оказывается в ситуации недостатка своей жизненной силы, энергии, психической, духовной, нравственной, моральной, тотчас у него появляется желание спрятаться, уйти, отвернуться. Это очень наглядно, заметно у детей, как они преодолевают всякие разные препятствия.

Ну, скажем, группа мальчишек испытывает из себя насилие, кто перепрыгнет лужу, кто не перепрыгнет. Все ли в компании мальчишеской решаются испытать себя? Нет, далеко не все.

Всегда находятся те, кто отказываются от испытания. От испытания, там, свечкой, огнем, страхом и так далее. Все ли идут на чердак в темную ночь?

Все ли решаются пойти ночью на кладбище? И так далее. Нет, не все.

Точно так же своровать яблоки в соседнем саду или решиться нахамить учительницы. Каждый решится? Нет, не каждый.

И такие испытания хорошо показывают, что очень часто у человека просто нет способности, силы пойти на, как бы, ну, на испытание, на проверку такую. И это просто, как можно, мы можем использовать, как метафору отказа человека от того или иного жизненного шага. Точно так же и мы делаем, взрослые, когда нужно идти в какую-то чиновничью институцию за справкой.

Как часто мы предлагаем себе всякие разные оправдания того, что вот не пойду, не могу и так далее. А когда нужно, там, не знаю, школьнику идти на уроки, он говорит, что у него живот болит. Это же очень такие обычные вещи.

Но так же происходит и во взрослой жизни, когда мы отказываемся из-за страха совершать нечто, там, где требуется некое усилие, пусть даже небольшое. Так происходит и в личности, так происходит отказ от взросления. Потому что первое, что человека пугает, это страх.

Второе, что подкрепляет человека оставаться в детском положении, это идеализация, как такое психологическое свойство, помогающие человеку совладать опять же с угрозой жизни. Жизнь угрожает разрушением детских идеалов. Самый главный детский идеал это мама, которая святая.

Идеал святая. Это папа, который сильный, могущественный и все может, ничего не боится. Это идеал того, что жизнь состоит из роз, облаков, синего неба, яркого солнца, зеленой травы и так далее.

То есть это такая идеализация всего, в которой живет ребенок. Для ребенка это естественно и даже необходимо. Потому что если ребенок не получает такого образа мира, то он в него никогда не войдет.

Ведь если вам сказать, что фильм плохой, страшный и, так сказать, он вот там такой, ну неужели вы будете, пойдете в кино, поднимете себя с дивана, оторвете от телевизора, заплатите деньги, будете там сидеть и смотреть? Нет, не пойдете. Точно так же и к жизни относится человек.

Зачем в нее идти, если в ней плохо? Лучше остаться вот в этом своем выдуманном, да, может быть, выдуманном мерке, но он все-таки мой, он мне знакомый, он теплый, он уютный, он обжитый. Пусть даже расплата за это, и человек очень часто подозревает, что он расплачивается за это.

Расплата за это заключается в том, что он подозревает, что мир, в котором он живет, ложный, что его на самом деле нет. Правда, у него появляется желание оправдать свое нахождение в детстве. И тогда он говорит, а и вообще нет никакого мира, у каждого он свой.

У меня такое, у тебя такое, у него такое и все. У каждого свой мирок, и каждый в нем живет. А представление о том, что есть объективный реальный мир, это, так сказать, выдумка философов.

На самом деле ничего нет. Это некое оправдание, но оно существует. Кроме того, наш мир детства очень прочно и неразрывно связан с нашей семьей, с нашими родителями.

Поэтому очень часто мы воспринимаем свой детский мир, свои взгляды на мир, свое отношение к этому миру, детское отношение к миру, с системой

ценностей своих родителей. Так, как мы их понимали в детстве. Мы сохраняем лояльность своим родителям.

Это такой термин принятый в антропологической, психологической литературе. Лояльность родителям это поддержка тех ценностей, которые моими на самом деле не являются, являются ценностями моих родительских. Ну или одного из родителей, или всей семьи.

И которые я боюсь, от которых я боюсь отказаться, по одной простой причине. Ребенку кажется, что если он отказывается от тех ценностей, которые исповедуют родители, он будет перед ними виноват. И чувство вины будет его крыть изнутри.

Для того, чтобы этого не было, нужно повзрослеть. Взрослый человек может взглянуть на родители и на их системы ценностей критически. Но ребенку это не под силу.

Ребенок критически относиться к родителям не может. Нет у него такой силы. Он по статусу ребенок, а родители для него по статусу святые.

Они сакрально выше. Для того, чтобы осмелиться критиковать или критически посмотреть на своих родителей, нужно переживать страшный возраст. Он называется подростковый.

Подросток, по неволе, насыщен таким зарядом нигилизма, отрицания, противопоставление, самоутверждение, что ему очень легко отделиться или сепарироваться, как говорят психологи, от родителей. В этом смысле подростковый возраст это и есть то время и место, когда мы отделяемся от родителей. И это естественное время взросления.

В норме подразумевается, что подростковый возраст заканчивается тогда, когда человек без всяких особых эмоций спокойно может воспринимать критические замечания свои собственные и других по отношению к родителям. И осознает одновременно, что он все равно их любит, и он все равно их сын. И он их уважает и почитает, как своих родителей.

Но при этом уже никогда не возвращается к тому, чтобы считать их во всем правыми, святыми и бояться выступить против них. Но начинается это с бунта, с подросткового бунта. И это есть нормальное, естественное время взросления человека.

Конечно, мы можем оставаться в детстве, мы можем оставаться и в подростковом возрасте. Признаки человека, который сохранил в себе

детское отношение к жизни, это идеализация родителей. То есть родители мои самые замечательные, слитые, они вообще всем правы.

И тогда система моих ценностей будет такая же, как у моих родителей. И моя взрослая интеллектуальная критическая жизнь будет заключаться в том, чтобы поддерживать эту систему, ее оправдывать. И даже, может быть, строить науку, искусство и в целом культуру с тем, чтобы доказать эту родительскую систему ценностей.

А может быть застревание в подростковом возрасте, тогда основным движущей силой интеллектуального моего и культурного движения будет, наоборот, противопоставление себя родительской системе и вообще системе старших. И тогда моя задача заключается в том, чтобы быть вечным диссидентом, разрушителем, опровержителем, революционером и так далее, и так далее. Собственно говоря, революционность, как душевное состояние, есть застревание в подростковом возрасте.

Но это только для тех людей, которые действительно делают это из любви к искусству, если так можно сказать. То есть, это их внутреннее душевное влечение. Далеко не все революционеры таковы с психологической точки зрения.

Зрелость же наступает тогда, когда моя критичность неразрывно связана с любовью. Она проявляется во всем. Зрелый человек относится к предмету своей любви достаточно спокойно и критически.

Любовь ведь не умаляется от той доли понимания положительных или отрицательных моментов в отношениях, так сказать, баланса положительного и отрицательного, позитивного и негативного, конструктивного и деструктивного. Любовь сопутствует этому критическому осмыслению. У ребенка этого нет.

Итак, инфантильность это не то, что является генетически заложенным или связанным с заболеванием. Инфантильность есть образ жизни. Вернее, это есть образ внутренней жизни человека, но проявляется, конечно, он и вовне.

Зачем и чем ценна инфантильность человеку? Сказать в двух словах это вот что. Проще, удобнее, легче, не так страшно, меньше ответственности.

Так что, инфантильность имеет психологическую выгоду. А в то же время имеет отрицательные свойства, и их, пожалуй, гораздо больше. Первое

заключается в том, что инфантильность препятствует человеку развитию и росту его.

Второе. Инфантильность всегда препятствует творчеству и обладанию свободой. Человек инфантильный все время ощущает свою несвободу.

Он все время с кем-то соперничает, он все время с кем-то воюет. С родителями, с начальниками, с властями, с ближними. Он все время чувствует себя меньше других.

Быть ребенком трудно и неприятно. Это миф, что дети это счастливое время. Положитесь на пол.

Тогда, когда все стоят. И посмотрите на мир снизу. Очень неудобное положение.

Все выше, все чего-то там видят, а вам этого не видно. Через вас переступают, с вами говорят свысока. Это неприятно.

Так что, инфантильный человек испытывает массу дискомфорта от своего внутреннего положения. Ему всегда кажется, что на него никто не обращает внимания, но он же маленький. Ему всегда кажется, что ему никто не дает слова, его не слушают, но он же маленький, кто же будет детей слушать.

Что с ним говорят снисходительно, что его мнения не уважают, что ему важные работы не поручают. Ну, потому что он же не справится, он же маленький. Ощущение инфантильной личности действительно очень дискомфортное.

Но зато проще, удобнее и так и не очень ответственнее. Взросление трудно, потому что оно требует смелости, риска, решительности и оно действительно сопряжено с очень тяжелыми переживаниями. Оно сопряжено с ошибками.

Инфантильный не рискует, потому что он вообще не умеет рисковать. Риск это признак взрослости. Инфантильный поступает только так, как он знает, умеет и уже опробовал много раз.

Решиться на новизну, на новое инфантильному человеку очень трудно. Тому, кто позволяет себе ошибаться, тот может рискнуть. Потому что он говорит, ну да, я могу ошибиться.

Ну что ж, за свои ошибки я отвечу. Я отвечу за свои ошибки, но у меня есть шанс победить, преуспеть. У меня есть шанс, что у меня получится.

А если получится, тогда я сразу продвигаюсь на целый, так сказать, уровень дальше. Инфантильный не продвигается, он не рискует, у него нет новизны и поэтому нет тех возможностей, которые открываются у зрелого человека. Чему же препятствует инфантилизм в жизни личности?

Во-первых, и главное, он препятствует духовной жизни. Духовная жизнь в инфантильном состоянии едва ли возможна. Вернее, она как бы открывается человеку, но движения в ней продолжают оставаться такими же инфантильными и детскими.

Ну, например, в духовной жизни все время требуется авторитет. Поиск авторитета, к которому можно, так сказать, присоединиться. Поиск тому, кому можно подчиниться.

Поиск тому, кто будет руководить и управлять. Для инфантильной личности в духовной жизни нужен жесткий водитель. Это будет, может быть, духовный руководитель, это, может быть, будет лидер, это будет гуру.

Вот из инфантильных личностей хорошо устраивать тоталитарные сообщества. Любые. Религиозные, политические.

Потому что им очень страшно в этой жизни, что у них нету такого руководителя. Ну, то есть, нету мамы, папы, которые их водят за ручку по этой жизни. И поэтому, как только они находят соответствующее лицо, согласное водить их за ручку, тотчас присоединяются и дальше двигаются, собственно говоря, уже, они чувствуют свою безопасность.

Инфантильному человеку все время нужно ощущение безопасности. Он много тратит и много платит за то, чтобы чувствовать себя безопасным, под защитой какого-то авторитета. Взросление означает чрезвычайное расширение того мира, в котором живет человек.

При взрослении мир как бы скачкообразно расширяется. Он становится необыкновенно велик. И в этом пространстве человек теряется.

Потому что нервность человека и огромный мир человеческой культуры, человеческого бытия несоизмеримо между собой. И тогда человеку нужны ориентиры. Ему необходимо некое внутреннее представление, образ этого мира.

Поэтому, конечно, взросление, вхождение в большой мир требует от человека недюжинных интеллектуальных усилий. Это не только, собственно говоря, образовательная система, хотя, конечно, но это скорее внутренний интеллектуальный рост. И он требует иных подходов к миру, иных отношений.

Понимаете, мы очень часто в нашем мировоззрении искусственно выбираем некие ограниченные рамки. Как только мы убеждаемся, что эти рамки нам становятся тесными, мы либо делаем шаг дальше и выходим за эти границы, расширяем пространство своего внутреннего представления о мире. Либо можем говорить, а его и нет, этого внешнего мира.

Но вот так, когда у нас в отечестве был железный занавес, что мы могли знать о том, как живет весь мир остальной? Европа, Америка, Азия, Африка. И что мы о них могли судить?

Только то, что мы видели в телевидении, в кино, в книгах, в журналах, газетах и все. И когда этот занавес как бы приоткрылся, и мы стали способны постигать весь мир, оказалось, что громадное число наших соотечественников делать этого не хотят. И я понимаю почему.

Потому что открытие этого мира представляет для них колоссальную угрозу. Угрозу чисто интеллектуальной. С этим можно не справиться, можно не понять.

А как же так мир живет? Совсем не по тем меркам, по которым привыкли жить мы. Вообще всякий раз, когда человек сталкивается с иным образом жизни, с иным мировоззрением, с иной культурой, с иным укладом, он может сделать две вещи.

Сказать себе, да, вот и так люди живут. Или сказать, нет, жить можно только так, как живут в моей семье, в моей деревне, в моем городе, в моей стране. Мы называем это часто узостью мышления.

Это не узость мышления. Это скорее некая интеллектуальная инфантильность. И она подкреплена еще тем, что человек не всегда может сделать вот этот интеллектуальный, так сказать, скачок, это движение.

Это все равно, как вот переход из школьной математики в университетскую математику. Там нужно саму систему мышления менять. То есть, когда мы приходим, приходили в институт, нам говорили, все, что вам преподавали в школе, забудьте.

Здесь вы будете по-другому. В некоторых системах образования это действительно необходимо, потому что надо изменить методологию мышления для того, чтобы люди могли освоить ту или иную профессию. Это в меньшей степени может быть в институтах, в техникумах, но в большей степени в университетах, то есть там, где действительно такое вот академическое образование получить было возможно.

Вот так и тут. Взрослея, мы действительно должны многое переосмыслить. И, конечно, взросление включает в себя переосмысление ценностей.

Это неизбежно. И это переосмысление дает нам новую систему ценностей. Очень часто подростки, юноши говорят себе я своим принципом никогда не изменю.

Помните, а, собственно говоря, может быть даже и не помните, а может быть видели даже на Воробьевых горах, стоит такой обелиск. Он там в лесу потерялся совсем. Это между шоссе, метро мост и между трамплином.

Там в лесу стоит камень, на котором якобы Огарев и Герцан давали клятву, будучи юношами, я уже забыл в какую эпоху, посвятить себя какой-то высокой цели. Я уже забыл, как это звучит. Но эту клятву мы все себе даем в том или ином виде.

В детстве, в отрочестве, или в юности. Мы клянемся своим принципам. Мы клянемся своим юношеским мечтанием.

И самое это плачевное заключается в том, что потом, неосознанно, мы эти клятвы внутренние несем, и несем, и несем. И иногда сопротивляемся признать нечто новое и важное, забыв о том, что эту клятву дали. Но именно с этой клятвой и не переходим к чему-то новому, что для нас может быть уже стало очевидным.

Мы очень верны своим внутренним клятвам. И эти внутренние клятвы играют для нас роль того жесткого скелета, который мешает из гусеницы стать бабочкой. Понимаете, если бы бабочка была верна своему тому хитиновому слою, она никогда бабочкой не станет и не полетит.

Вот очень так же и с личностью человека. Эти внутренние клятвы, которые и дети дают, и юноши дают, и подростки дают, они нам вот такую службу служат. Это вовсе не означает, что вообще надо быть беспрецентным человеком.

Просто взрослый человек критически относится к своим ценностям, и он их позволяет себе переосмыслить, переоценивать. А вот эта юношеская ригидность, она говорит, нет, принципы дороже всего. Я буду верен до конца, до смерти.

И, к сожалению, сплошь и рядом действительно бывает верен до смерти. Но, в общем, ничего хорошего это не несет. Потому что верность хороша та, которая осмыслена и ответственна.

А ведь ответственность, она свойственна взрослой личности, а детской нет. Дет, ребенок ответственности не несет. Почему?

Потому что ответственность может быть только тогда, когда я совершил свободный поступок. То есть, такой поступок, в котором был мой выбор. То есть, я осуществил свою свободу.

Если я свободен, значит, я могу поступить так, как я считаю нужным, и за это отвечать. Что означает отвечать? Отвечать означает принять результат своего выбора.

Я могу правильно выбрать, то есть, получить успешный результат, добиться успеха. А могу поступить ошибочно и получить некий, так сказать, не успех, некоторую, как бы, какую-то трагедию, может быть, или горе для кого-то принести. Но и в том и в другом случае, если я принимаю результат своего выбора, то я несу ответственность.

А ответственность имеет два последствия. Покаяние или благодарение. Если я преуспел в результате своего свободного выбора, я принимаю плод своего выбора, я ему радуюсь, и я благодарю и себя, и Бога за то, что я это совершил.

Я принимаю награду. Если я ошибся, то я тогда признаю свою ошибку и говорю, простите, каюсь, приношу покаяние. Но я в результате покаяния опыт приобретаю новый.

А тот, кто свободно не выбирал, и успеха не имеет, и покаяния не имеет. И стало быть, у него ни того, ни другого опыта нет. Поэтому инфантильность опыта не дает.

А духовная жизнь без опыта не бывает. Духовная жизнь потому и не является рационально-научной, потому что она основана на опыте. А опыт — это то, что имею я.

И опыт – очень важная категория, потому что в опыте открывается пространство моей свободы. Я опыт принимаю. Человек, который не обладает свободой, даже если по неволе у него появился некий жизненный опыт, он его не признает, и не понимает, и говорит, ну и что, ну да, было это со мной.

Тот же, кто ответственно и сознательно относится к своему опыту, он говорит, вот что со мной было, сейчас вам расскажу, и поучу, и даже мораль из этого какую-то вам преподам. Отсюда понятно, что духовная жизнь, она основана на опыте, и она возрастает интенсивнее с каждым шагом. Как только духовную жизнь открывается во мне, я начинаю обогащаться в геометрической прогрессии, потому что я приобретаю новый опыт, открою для себя новые возможности, поступка и выбора.

Чем шире передо мной открывается мир, и мой собственный внутренний мир, тем больше возможностей у меня есть. Как часто мы говорим, я не знаю, что делать, я в тупике. А ведь это ситуация прям противоположная той, когда у нас много выборов, когда я могу сказать, да как же выбрать-то, и это, и это могу, и это могу, и туда могу пойти, и сюда могу пойти.

В какой ситуации хочется оказаться человеку смелому, решительному и ответственному? Ситуации большего числа выборов. В какой ситуации хочется оказаться инфантильному?

Там, где выбора нет. Чтобы все за него решили. И очень часто и к священнику, и к психологу приходит человек за советом и говорит, посоветуйте как быть.

И часто обижаются, когда такого совета не слышат. Ну как же так? Я же просил вас совет дать, а вы мне, что вы мне, так сказать, показали все, что меня окружает.

Мне еще страшнее стало. Оказывается, и вот это, и вот это еще возможно. И это действительно страшно для инфантильного человека, который в душе ребенка.

Для него действительно страшно, что выборов-то у него много. Стало быть, и ответственности будет много. Ответственность пугает.

Но только тогда пугает, когда человек не понимает, что отвечать-то это означает радоваться своему успеху или печалиться о своих ошибках. Но и то, и другое есть для человека опыт. И если мы можем относиться к

самому опыту как к чему-то ценному, что безусловно упало в карман, в наш созвоном, опыт это золотая монета нашей жизни.

Но мы можем не им пройти. Мы можем не ощутить ценности своего жизненного опыта. И, к сожалению, очень часто мне, как пастырь, приходится сталкиваться, когда человек рассказывает или на исповеди, или так, в беседе, рассказывающей о своей жизни, я удивляюсь и говорю, так это же роман, ну напишите, ну расскажите, просто запишите на магнитофон.

Это же чрезвычайный интерес и ценно. Да ну, подумай, что-то такого важного. И вот иногда вот это обесценивание своего опыта возвращается потом и каким-то унижением своей духовной жизни.

У каждого человека есть духовная жизнь, в той или иной степени, у каждого. Человек внимательный к ней, внимательный к своему опыту. И опыт делает его и опытнее в таком смысле слова, что больше средств, больше у него набор инструментария, что ли, такого своего духовного, и делает его более богатым с точки зрения других.

Кто такой мудрый человек? Это тот, кто все правильно делал в жизни и знает истину? Ничего подобного, тот больше ошибался.

Значит он двигался, значит он искал и находил. Я не представляю себе человека, у которого преобладание успехов было бы явно заметно над количеством ошибок и промахов. Скорее наоборот.

И потому мудрость не представляется как бы количеством шрамов на теле. Выглядит немножко такой пессимистический взгляд, но я представляю себе мудру того человека, который прошел, как говорит русская пословица, огни и воды и медные трубы. И остался человеком.

И вышел из этого испытания большим, чем вошел. И я думаю, что вот такое отношение к жизни есть духовная жизнь. Ну вот, пожалуй, я свой монолог на этом приостановлю, и теперь мы можем что-то обсудить.

Могут быть вопросы, могут быть несогласия. Пожалуйста, Дарья Ильинична.

[Говорящий 2]

В человеке есть свой способ жизни. Человек очень хорошо может выступать на окружающих. Что вы объясните?

Мы выступаем на окружающих. Ну, основным образом, я думаю, в том, что он создает сам себе определенную систему ценностей, при котором, как вы сказали, докладная ценность, он сам. Все должно вращаться вокруг него.

И как бы эта система ценностей, она сталкивается, так или иначе, с тем, что считают системой ценностей другие люди. Что делать окружающим? Хотя это, возможно, притайнический вопрос.

[Говорящий 1]

Понимаете, в чем дело? Окружающие ничего не могут сделать с другим. Мы ничего не можем сделать с другим.

В области духа, в области личности, мы работники только на своем поле. Только. На чужом поле мы ничего не можем сделать.

Да, очень часто соседи говорят, ну что, на его поле сорняки выросли, и ко мне заносят как вредителей, так и семена всяких сорняков. Ну, скоси ты свои сорняки, хоть хотя бы семян не будет так ветром разносить вокруг. Да, неудобно соседствовать с таким запущенным полем.

Но сделать мы тут ничего не можем. Мы не можем другого человека принуждать к какому-то шагу духовной жизни. Только он сам может решиться на это.

Все, что мы можем, это создать вокруг него и рядом с ним такое благоприятное пространство наших отношений, в котором ему легче будет рискнуть повзрослеть. Это что означает? Пространство доверия, пространство признания, может быть, некой безопасности.

Что делает опытный педагог с нерешительным учеником? Он ему не внушает, что у тебя все получится, все получится, получится. Он говорит, если ты ошибешься, ты попробуешь еще раз.

Тебя никто за это ругать не будет. У тебя число попыток неограниченное. Значит, все, что мы можем чем помочь ближнему, это тем, что создать вокруг него такие доверительные отношения, сказать, да, ошибка возможна.

И у меня была, и у тебя возможно. Ну, и ошибешься, ну что ж. Такое бывает.

Ведь очень часто человек не рискует в своем бытии, потому что боится ошибки. Вы напрасно думаете, что детское отношение к себе связано с тем, что внутри у человека представление о том, что он центр мира. Все как раз наоборот.

Беда заключается в том, что ребенок себя в себе не видит. И поэтому у него... Он нарцисс.

Нарцисс же себя не сознает. В чем беда-то? Ему все время нужно отражение свое где-то видеть.

Для этого ему нужны люди. Беда нарцисса в том, что у него нет собственного ядра личности. Такой же инфантильный ребенок.

Его внутри у него нет. Поэтому ему нечем заняться. Он требует все время внимания взрослого, потому что ему наедине с собою нечего делать.

Ему кажется, что у него внутри пусто. Что его нет. И тогда он все время в ком-то нуждается.

На ком-нибудь висеть. Ребенок это не эгоист. Это как раз...

Он нарцисс. Это другая... Другой тип.

Пожалуй, так. Пожалуйста.

[Говорящий 2]

Страх есть у всех. Когда ребенок подросткового возраста, у него есть такой багаж собственной жизни. Санитизация, развитие.

Все, что с этим связано. И страх есть у всех. Но одни остаются с этим страхом.

Продолжают выбирать позицию инфантильности, детственности. Другие выбирают сильную взрослую позицию. С чем связано этот страх?

Это же все равно послужит таким большим указом его детско-детских отношений. Всего того, что было. И почему тогда они решаются, а другие не решаются?

И кто здесь больше может помочь? Насколько помощь ребенка здесь возможно? И в каких мерах?

Потому что есть вопрос о распределении степени.

[Говорящий 1]

Нет, страх есть не у всех. В каких-то ситуациях страх не превышает каких-то заметных таких уровней, чтобы он достаточно сильно влиял на развитие личности. Так что это не обязательно, что он у всех есть такой.

Да и взрослым человек не сразу становится. Это же все добывается ежедневным, кропотливым путешествием по жизни, так можно сказать. Взрослость не вдруг является, а она маленькими шажками.

Она состоит из навыков, из ежедневных, простых, мелких навыков взаимоотношений, попыток, проб, ошибок. И это ежедневно совершающееся с нами такое путешествие. Поэтому вдруг стать взрослым нельзя.

Это вот так потихонечку, потихонечку, потихонечку. Чем можно помочь человеку? Вот понимаете, можно тем же самым помочь, что просто быть рядом с ним, не утратить связи.

Что очень часто, в чем ошибаются родители с детьми и с подростками? Они начинают нервничать, они начинают бояться, что они не выполняют своего долга родительского, начинают давить на ребенка. А в случае, если ребенок отказывается их слушать, а подросток именно так и поступает, то они его как бы прогоняют от себя.

Ну и иди на улицу, и катись, отстань от меня только. Разрывается связь. Как только эта связь разрывается, подросток начинает чувствовать себя ужасно одиноким.

Что ему мешает, потому что подростковый возраст это такой амбивалентный, когда одновременно ребенку нужно присутствие взрослого, и в тот же момент всячески его старается от себя отсечь. Ему и ухочется, чтобы с ним общались взрослые, поговорили, рассказывали, и в то же время показать этому взрослому, что он от него независим. Это такой возраст.

Поэтому самое важное, что мы можем сделать для такого человека, который в таком возрасте застрял, то быть с ним, связи не терять. Отношения оставлять, сохранять. У всех есть страх в той или иной степени, или может быть, и у всех есть стремление к новизне.

У всех есть. Все дети начинают стремиться изучать этот мир. У всех есть живое любопытство.

Ребенка очень трудно ограничить от этого любопытства. Ребенок, он в нем живой, в нем заложена чрезвычайная энергия к познанию себя и всего мира. И когда мы встречаемся с ранним детским аутизмом, это никогда не бывает врожденным.

Этому всегда есть какие-то серьезные причины. Поэтому у каждого человека есть желание познавать, исследовать, получать новый опыт. Но он сам себя ограничивает от страха.

Однажды, быть может, выбранная такая модель поведения, отказа, становится потом привычной, удобной, приятной. Вывести какие-то закономерности, почему один так развивается, а другой так, невозможно, потому что человек свободен. И мы не можем...

Если мы такую закономерность найдем, это означает, что мы лишим развития человека свободы. И скажем, что развитие человека — строго детерминированный процесс. И он зависит от этого, от этого, от этого.

Тогда свободы нет. Тогда нет и духа. А если есть свобода, это означает, что мы не знаем, почему так человек поступает.

Это его выбор. А он и сам не знает. Вполне возможно, что консервативную позицию человек занимает именно по причинам своей инфантильности.

Но у человека могут быть и другие причины для своей консервативности. Может быть, система ценностей, которая для него чрезвычайно важна по каким-то причинам, включает в себя охранительную функцию консервативности. Возможно, это по-разному может быть.

Может быть, как защитная реакция, конечно, потому что всяческое изменение несет степень риска незащищенности. Степень человеческого страха и тревоги прямо пропорционально новизне окружающего мира и самого себя. Чем изменчивее мир вокруг меня, тем выше тревога, тем больше тот страх.

Значит, инфантильная личность повышает силы, которые затрачены на подавление страха и тревоги, на защитные механизмы. В конце концов, сила, которая уходит на защитные механизмы, отнимает все силы личности. Человек чувствует себя обессиленным, беспомощным, уставшим, отчаявшимся.

Он ничего не может сделать. Он защищается, защищается, защищается, а вокруг все равно все течет и меняется. И это ужасно с его точки зрения.

Да?

[Говорящий 2]

Я вот хотел присоединиться к вопросу девушки по поводу того, насколько там помощь духовника может помочь, или вообще, может быть, церковная жизнь. Потому что мне кажется, вот интересна такая аналогия, и Вы предлагали ее, с детским состоянием ребенка, да, и вот, но мое наблюдение, может быть, это спорно, даже когда человек, скажем, вот Вы говорили наполняющий, а я сказал бы, скажем, стоять на колени даже, да, это тоже как бы умолиться и даже, в общем-то, в таком физическом плане, то есть помнить, когда вот такое состояние детское малости своей, когда действительно все кругом большие, и оно помогает вот этому благоговящему даже чувству, может быть, перед величием Божиим.

Но потом вот интересно, что действительно, когда остановишь себя сначала рабом Божиим, да, потом как бы по мере взросления можно как-то и усыновиться, как это описано в литературе богословской, да, вот этот процесс усыновления, то есть усыновление какого-то такого вот уже отношения, может быть, более действительно взрослого, да, когда свободный выбор есть, когда вроде бы какая-то притча юмористская, да, что можно, отец говорит одно, можно говорить нет, но потом все-таки взять и сделать, сделать этот выбор нравственный. Очень, кажется, красиво. И поэтому вот все-таки родь церковной жизни, тем более мы как священники, вот мы, может быть, могли бы сказать что-то по поводу этого.

Мне кажется, что это действительно очень нужная вещь, то есть где же выход, да, через что из этого инфантильного состояния. Спасибо.

[Говорящий 1]

Выход только у человека. Он только у него внутри. Никакого другого пути нету.

Поэтому мы говорим о духовной жизни, а не о социальной жизни. Потому что если бы мы смотрели на это с социальной точки зрения, то мы бы искали некоторые пути создания определенных условий для человека или способов воздействия на него. Вот в экономической жизни это понятно, и это возможно.

В административной, политической жизни все. В духовной жизни это невозможно. Потому что в духовной жизни, во внутреннем мире человека есть только он, бог и дьявол.

Еще раз говорю, что мы можем создавать условия для человека, в которых он чувствует свою большую безопасность и меньшую безопасность. Что такое церковная жизнь для многих из нас? Это пространство, в которой, помимо всего прочего мистического, таинственного и евангельского, меньшая степень тревожности.

Мир социальный очень тревожен. Как только мы присоединяемся к некоторой общности, мы снижаем уровень тревожности. И нам там делается хорошо и легко.

Церковный мир по своей структуре, по своей задаче, это мир такой, я бы сказал, детсадовский. В нем любовь, в нем забота, в нем дружба. Это необыкновенные чувства.

Я когда впервые пришел в церковь и услышал, что все вместе поют, не сговариваясь, верою, у меня слезы были на глазах, я чувствовал, вот, родственники. И это необыкновенное чувство тепла, родства, близости душевной друг с другом. Поэтому да, конечно, церковный мир, я имею в виду общину церковную, он может создать самые благоприятные условия для того, чтобы человек чувствовал себя здесь более защищенным и стал быть менее тревожным.

И в этих условиях у него тогда сохраняются силы на развитие, на рост. Он позволяет себе здесь нечто большее, чем не может позволять себе в другом пространстве, даже в семье. Иногда семья в меньшей степени способствует его духовному росту, чем церковная община.

Что касается духовника, то я бы не хотел, чтобы вы рассматривали его роль как некоторого демиурга, который варит такую в большом котле. Суп мешает и, значит, добавляет туда специи вот этому то, вот этому это. И что-то такое, чего-то добивается.

Мне кажется, это... Ну, если пастырь, то тогда метафора с овцами. Он их ведет по, так сказать, от одного поля к другому, от одного лужка к другому лужку, где они щиплют траву.

Но сколько есть и какой травки овцы сами решают. И уж точно он за них не жует траву. Они сами.

Но потом правда он их стрижет. То есть забирает от них тот дар, который они могут принести. Так что я думаю, что пастырь в приходе это такой счастливый наблюдатель потрясающих божественных преображений, которые происходят с людьми.

А не происходит святительство. Да?

[Говорящий 2]

У меня был вопрос. Я хотел бы попросить вас поподробнее остановиться на взрослении. То есть мы сказали, что есть выгода инфантильного образа жизни.

То есть давайте тогда, может быть, выгоды взрослой жизни. И к этому тоже вопрос. То есть взрослый достигается маленькими шажочками.

Не то, что рецепты, чтобы искать какие-то шажочки. Но тем не менее для себя какая-то должна быть основа именно как себя начинать чувствовать. Я, может быть, немножко поясню свой вопрос.

Конечно, в детстве говорили, ты еще маленький, вот по взрослеству знаешь. Первое, что я там по себе помню просто копирование взрослого. От этого я не стал ни взрослее, только, может быть, быстрее очаровался, что какое-то здесь, может быть, недоумение.

То есть что это? Это, видимо, какая-то внутренняя основа. То есть вот именно на взрослых.

[Говорящий 1]

Конечно, взрослость дает очень широкие новые возможности. И открывается более широкий мир, и открываются более широкие возможности мои собственные. Но все, что мне дано и семьей, и Богом, и социумом, культурой, моей эпохой, всем этим я должен овладеть.

Оно есть вокруг меня, но это не означает, что я умею им пользоваться. Все равно как человек, который покупает автомобиль, вовсе не означает, что он уже может на нем ездить. Он еще должен научиться.

И взрослый человек, он понимает, каким богатством он наделен от Творца, но он еще пользоваться этим не умеет. Овладеть своей свободой означает дорасти до нее. Овладеть своими способностями это означает познать их и хоть приблизительно знать, в какую сторону им пользоваться.

То есть, взросление это процесс, помимо всего прочего, овладения средствами, культурой, наследием своим, которое дано мне, семье и культурой. Какие еще выгоды? Выгоды, конечно, прежде всего заключаются в том, что у меня открываются по сути дела неограниченные возможности развития, творчества, созидания, испытания себя.

Это можно сравнить с эпохой, когда железный занавес приоткрылся. Если мы жили в одной стране и выезжать свободно не могли, то теперь можно купить билет, условно говоря, и поехать, куда хочешь. То есть, чрезвычайное многообразие мира.

Вот ощущение этого многообразия мира, это ощущение взросления человека. Я когда был маленький, то я представлял себе, что когда я кончу школу, самое главное преимущество, которое я получаю, это я выхожу утром из дома, и я никому не говорю, куда я иду. Но, когда я вышел, и куда же я иду, и вот тут оказывается, что я забываю про дом, про родители, и у меня так много интереса, я хочу туда поехать, я хочу сюда поехать, сюда поехать, везде хочу.

И вот это состояние, пожалуй, это необычайное богатство жизни, радость жизни перед встречей с новым, перед открытием многообразия мира, себя самого. И эти преимущества взрослого, они несомненные. Далее, может быть, одно из тех, которые и я сейчас тоже переживаю, во взрослом состоянии есть возможность созидать.

Ребенок строить, кроме песочной домики, не может. Он может играть в созидание, но реально строить нет, потому что ему никто не делегирует ответственность. Понимаете, это разные вещи.

Есть мастер, художник, и есть у него подмастерье. Что он дает делать подмастерью? Фон написать, подобрать кусочки, материал, краски, толочь.

Или там, не знаю, в каком ремесле что делать. Но подлинное, творческое видение только мастеру. Вот точно так же, если хочешь оставаться ремесленником-подмастерьем всю жизнь, вот это инфантильность.

Но в чем заключается гений подмастерья? Когда он осваивает ремесло, ему хочется самому делать скульптуру или самому писать картину, но он уходит от своего учителя, от мастера, уходит и говорит, я сам буду. Вот такое метафорическое представление взросления.

И тут один остается навсегда подмастерьем, а другой становится самостоятельным художником. А уж дальше, большим, чем свой учитель,

меньшим, это вопрос ведь очень трудных сравнений. Но главное, что самостоятельным становится.

Как мне выбирать? Вот она свобода-то. Людмила.

[Говорящий 2]

Может ли человек быть вполне самостоятельным и взрослым подмастерьем, в то же время быть совершенно несостоятельным и другой? И накладывает ли это вообще какой-то отпечаток вот такая несостоятельность? Где-то оно, скажем, абсолютно быту не приспособлено, или абсолютно не умеет общаться с людьми.

А в то же время, высокий профессионал, ученый, мститель, я не знаю. Вот это как-то накладывает отпечаток на его личность? Или это у всех по-разному?

[Говорящий 1]

Я думаю, что накладывает отпечаток, конечно. Конечно. Понимаете, есть разные сферы.

Профессиональная сфера, на мой взгляд, с точки зрения развития личности, второстепенная. Если она действительно связана только с профессией. Потому что если, скажем, вот близкая мне область науки, например, есть замечательный ученый, превосходящий, гениальный ученый, но он не может быть заведующим лабораторией, или деканом факультета, или ректором университета.

Он не организатор. Он не лидер школы. Понимаете разницу, да?

Гениальный ученый и лидер школы. Вот точно так же и в жизни. Человек может быть хорошим профессионалом, но это второстепенно.

Первостепенно все-таки семейные отношения. Если в семейных отношениях человек взрослый, самостоятельный и ответственный, то это определяет все остальные сферы. Я знаю многих молодых людей, блестящих, компьютерных, веб-мастеров, программистов, которые до нельзи инфантильны в жизни, и особенно в семейных отношениях.

И это, к сожалению, беда, с которой часто попрощаются к нам, психологам, родителям. Ну, и к священникам тоже. Да, пожалуйста.

[Говорящий 2]

И, пожалуйста, Александрий, может ли инстантеллизм, возникший от взрослого человека, от сильного остатка перейти в душевную болезнь? То есть необратимое...

[Говорящий 1]

К сожалению, да. То есть возникает некий аутизм, который может быть таким вот вторичным, избранным, и он может, так сказать, в какую-то шизоидность такую перейти. Может.

Да, к сожалению, да, очень часто это... Ну, это трудно сказать, что здесь. Это все очень конкретно, всегда, индивидуально.

Может. Еще раз. А как можно помочь во внутреннем мире человека?

Нам туда доступа нет. Мы можем создавать условия для него. Это, на самом-то деле, очень много.

Создать условия благоприятные для самостоятельного, зрелого поведения человека. Это условия доверия и любви. Если человек окружен любовью, то вряд ли он просто так самостоятельно выберет путь некой стагнации и своего инфантильности.

Вряд ли.

[Говорящий 3]

А можно сказать, что люди не признают какого-то этого состояния инфантильности?

[Говорящий 1]

Может и не признавать, конечно. Некоторые люди так и говорят, что да, я ребенок, и очень этим горжусь. Правда?

В Евангелии же сказано, будто как дети они говорят, вот вам, пожалуйста. Они находят даже в Евангелии себе оправдание. Что вы думаете?

Самые высочайшие ценности строятся на этом. Желание только отказе меняться. Нежелание меняться, да.

А рождение нового, а это всегда рождение, но связано с болезнями.

[Говорящий 3]

Чтобы довершить эту тему. А если человек все-таки верит в то, что он выйдет, станет взрослым? Вот он сам говорит.

Вот взрослый человек, он понимает, что он ограничен сейчас, но он верит и хочет вернуться. Вернуться во взрослую жизнь.

[Говорящий 1]

Понимаете, тот, кто стал взрослым, не может уже стать ребенком. Вернуться нельзя. Тут только вперед движение.

Назад пути нет. Поэтому став взрослым, человек уже станет и живет по-другому. Вернуться в инфантильный, ну, только в клинических условиях.

Да, скажем, когда человек в старости, в маразме, в болезни, тяжелый. Мы очень часто говорим, что старый, что малый. Действительно, в старости происходит некое такое как бы...

Но это на самом деле не возврат, а это уже другая форма такого детского поведения. Ну, это уже клинические разные формы. Тут они в какой-то степени здесь оправданы умалением сил физических и психических.

И как бы так... Хотя, это тоже, может быть, по-разному складывается у пожилых людей. Да, Андрей?

[Говорящий 2]

Андрей. А вот в Ваших словах прозвучала как бы такая мысль, что человек... Ну, он ведь и не единственный в своей жизни выбирает путь в направлении развития, но основу самостоятельного материала в человеке закладывается подростковая возраст.

Но! Но! И подростковое возраст имеет свои, так сказать, свою манеру поведения.

То, что подросток все перечит, как-то ищет пути в скандалы, дерется и так далее, и так далее. Насколько это применимо человеку, который уже гадал, что у него уже не те противоречные скандалы. Получается, что человек, который застопорился на до подросткового состояния, может ли он, так сказать, под 50 лет продолжить свой подросток?

И если да, то как это должно выразиться? Ну нельзя же, так сказать, начинать всем перечить и хамиться, как лазит через забор, так сказать, соседей за яблоками. Как положено.

[Говорящий 1]

Самое поразительное в том, что человек ведет себя как подросток. Он всем перечит, он всем недоволен, у него всегда виноват старший, начальник, отец, там, президент, царь, кто угодно. Подростковое поведение очень явная такая характеристика застревания.

Это всегда отрицание всех. Все плохие. Все плохо.

Время плохое, правительство плохое, власть плохая, там, церковь плохая. Но все плохие. Все.

То есть вот отрицание. Мир плох.

[Говорящий 2]
А как жить дальше?

[Говорящий 1]
Движением вперед здесь было бы признание и принятие себя таким, какой ты есть, и мира таким, какой я есть. Потому что отрицание ничего не дает. Они дают движение вперед.

В отрицании нет поступательной энергии. Принятие и осмысление кто я есть, зачем я в этом мире есть, куда мне двигаться. Человек, который все критикует, он не критичен к себе.

Человек, который не отвечает на вопрос, зачем я есть в этом мире и кто я есть, начинает критиковать других. Что такое критика других? Это означает не критика себя.

Подросток находится вот в таком вот амбивалентном положении. Иногда он вдруг задумывается, кто я есть и как. А потом переходит на то, что все плохие, они все мешают мне жить.

Что же вы, не видели таких людей до седых волос? Много.

[Говорящий 2]
Насколько человек сохраняет потенциал к дальнейшему развитию, если он в подростковом возрасте не сделал того выбора, о котором вы говорите, то получается так, что ему в каком-то смысле дальнейшую жизнь нужно пред этой земиной.

[Говорящий 1]
Он ее сохраняет полностью. Человек сохраняет всегда в целостности свой потенциал. Потому что он в нем, и он с ним всегда.

Потому что это данное Богом образ и подобие Божие. Оно же неотъемлемо от человека. Никто человеку помешать не может развиваться духовно.

[Говорящий 2]

Это не внешние препятствия, а то, что ты уже сам провел жизнь, которую ты провел. Они лежат на тебе лично.

[Говорящий 1]

Да, можно сказать себе, как это я дожил до седых волос и вдруг меняться начну, как подросток. Ни за что. Никогда.

Но это мой выбор. Я могу сказать, да, вот у меня был друг-приятель, который зачитал докторскую диссертацию по физике, математике, и потом все бросил. И пошел сторожем в церковь, мы не работали.

И пошел с детьми учиться играть на скрипке. Ему так хотелось с детства, но его не отдавали. Его в физико-математическую школу засунули.

И он действительно был очень талантливый математик. Но потом, я не помню сколько, уже он вступил во второй брак, и у него было двое детей, он пошел с детьми в первый класс музыкальной школы районной учиться на скрипке. Вот нет такого возраста, когда бы человек мог себе сказать, что это мне по возрасту невозможно.

Возможно. Возможно начать взрослеть с любого дня. Это зависит только от меня.

Это мое желание. Никто не может мне это воспрепятствовать. Да.

[Говорящий 2]

Но со временем я поняла, что вот этот страх перед риском, страх перед ответственностью, который человек в какой-то момент своей жизни обнаруживает, и который заставляет его спрятаться за свою скорлупу и выбрать защищенность, выбрать инфантилизм как образ жизни, в каком-то смысле связан с нарушением потребности базового доверия в детстве. И та атмосфера, которую можно создать, в которой он сам выберет рост или взросление, или не выберет, это как раз атмосфера, когда человеку позволено делать ошибку и демонстрируется любовь к нему. Я просто могу сказать, что у меня в жизни был очень яркий пример, но не в плане отношений, потому что действительно для меня совершенно аксиома, что самое главное взросление происходит в сфере отношений реальных

жизненных, не знаю, семейных или еще каких, но то, что отношения, это точно.

А есть вот эти вот подсферы, там, профессиональный рост, еще что-то. И вот у меня в жизни был очень яркий момент, он связан с мышлением. Мне было 13 лет, я была такой девочка-отличница, то есть я умела зубрить, умела отвечать на пятерку, и к нам пришла новая учительница в класс, которая меня неожиданно вызвала, когда не должна была, и я ничего не знала.

Я от страха и от неожиданности, от попытки как-то выйти из этой ситуации начала доказывать точку зрения, о которой не знала, правильно она или нет. Меня внимательно выслушали, мне поставили высший балл и сказали, что это делается за очень хорошее доказательство точки зрения, которая была ложной. И меня это настолько потрясло, что мышление моё просто может иметь ценность, что я с этого момента просто начала самостоятельно помыться, я просто почувствовала взрыв счастья.

Вот это было в сфере мышления. Я так понимаю, что в сфере жизни тоже кто-то, как она, способен создать такие условия, когда человек вдруг почувствует, что вот этой вселенной, как атмосфере, он доверяет, и он способен делать ошибки, остаться любимым. И он начинает идти на этот риск.

[Говорящий 1]

Я с вами полностью согласен, но вот этот стресс, который вы пережили, он в другой ситуации мог бы повернуться каким-то другим боком, и человек бы сказал, боже мой, да никогда больше вообще я не выйду к доске. Или внутренне сказать, да никогда больше я вообще не буду публично ничего никому произносить. Вот одна ситуация, одна и та же, может быть воспринята человеком совершенно по-другому.

Вот в чём свобода этого и необыкновенность, и уникальность внутреннего мира человека. Он никогда не может быть одинаковым, он всегда разный. Внутренняя ситуация такова.

[Говорящий 2]

Да, конечно.

[Говорящий 1]

Да, конечно. И при всём том, что учительница сказала бы так же, и ребёнок мог поступить внутренне, поступить по-другому совершенно. Это всё.

Понимаете, причём в одном, в один день я способен на такой решительный поступок, а другой день я буду сидеть и дрожать, как кролик, и лучше откажусь от всякого выступления, чтобы только не позориться. Но не решусь на такой дерзкий шаг. Это от меня зависит в первую очередь.

[Говорящий 2]

Ну, собственно говоря, можно воспринять как систему запретов, а можно воспринять, как Бог есть Любовь, и у меня есть выбор, и я свободен поступать так.

[Говорящий 1]

Да, конечно. Так оно и происходит. Да, Алексей?

[Говорящий 2]

Александр Иванович, слово Христа, которое Вы проявляете, если говорить как дети, если это не указание на то, что можно быть инфантилом, да? Я думаю, нет. Мне у Вас интересно, как вы выглядят эти слова, какие-то плюсы, что Вы выглядите?

[Говорящий 1]

Ну, больше всего ответов мы найдём у апостола Павла, который говорит, есть, так сказать, детская пища, когда-то мы питались молоком матери, а теперь мы едим твёрдую еду. То есть есть время зрелости, есть время детства, и у апостола Павла очень много об этом. Самое главное – рождение новой личности, совлечься ветхого.

Апостол Павел пишет, что каждый день я как человек телесный умоляюсь, но зато день ото дня расту как новый, как духовный. Вот, пожалуй, это и есть ответ на этот вопрос. И у Христа точно так же, он когда говорит в последней молитве первосвященческой, что «Я собрал вас, и вы были как дети, но придёт час, когда каждый из вас ответит о своём уповании».

Но не о уповании, упование – это термин апостола Павла, как-то по-другому он говорит, но придёт час, когда ну вот и дальше там это известно, поведут вас на суды, и там вы ответите. Вот это и есть первосвященческая молитва. То есть сначала вы представляли собой детей, а потом вы будете исповедники.

Человек развивается. Растёт. Да?

[Говорящий 2]

– Пожалуйста, вот если воспользоваться вашей метафорой насчёт мальчиков, которые прыгают через лужи, то мне кажется, что даже в этом детском опыте они все ситуации однозначны. То есть если с лужи всё понятно, то скажем, когда нужно сбегать из уроков, или нужно нахамить у фитнеса, здесь, мне кажется, есть вопрос, какой выбор требует больше ответственности – пойти со всеми или остаться одному, и не нарушить правила. Вот в возрастной жизни, очевидно, тоже подобная ситуация выбора не всегда однозначна.

[Говорящий 1]

И что может быть, что может служить критерием для определения того, что тебя двигает к росту, а что, наоборот, тебя оставляет в детском состоянии? То есть следует выбирать ту ситуацию, которая наиболее страшная, следует отказываться от того, что кажется более безопасным и привычным, но чаще всего и тот, и другой вариант требует некоторой ответственности, и тот, и другой вариант оборачивается и плюсом, и минусом.

[Говорящий 2]

Как определиться?

[Говорящий 1]

Если бы эти ситуации можно было определить, то тогда бы здесь не было никакой свободы. Тут самое главное — ощутить себя внутри этого выбора и прислушаться к тому голосу, внутреннему голосу, который единственный и подсказывает человеку, его интуиция, что для него сейчас важно. Потому что подросток хамит учителю не просто так, а он заявляет о своей точке зрения и о своей способности отстаивать эту точку зрения.

Другое дело, что средства у него таковы. Подросток и не знает, что другие существуют, или не верит, что он их может осуществить. И когда такой мотив у подростка, тогда он самый главный, он ведущий.

А когда мотив у подростка, уже переросшего в 30-40 лет, когда он все критикует, но сам не чувствует, что у него есть дар, знание, опыт сформулировать позитивно свою точку зрения. Вот представьте себе производственное совещание. Сидят за круглым столом, и все должны внести свою лепту.

Всегда есть люди, которые все критикуют, но ничего не предлагают. И каждый может обладать неким опытом и знанием ценным. Надо ему сказать, да, и такая точка зрения возможна, а вот я хочу предложить некий, и осмеливается высказать что-то конструктивное.

Предлагает некий опыт. Пусть один грамм, но этот опыт он заслужил, он его накопил с его позицией, с его опытом, с его знаниями. Вот точно так же и тут.

Тут нет никакой меры, что сейчас важнее, отбросить правила нравственные или их соблюсти, чьи интересы защищать учителей или учеников, что движет. Если там есть действительно некая подлинная интенция роста, то она интуитивно говорит, иди, пробуй. Другой вопрос, как?

Можно ведь и не обязательно хамить. Есть разные варианты. В литературе и в кинематографе разные варианты есть.

Как это сделать? Но иногда у подросток просто ему не хватает ни знаний, ни опыта, ничего. Он, так сказать, идет на обум.

Да? Пожалуйста.

[Говорящий 2]

Вы сказали, что интуитивный человек не видит себя в себе. Как это понять и как увидеть себя в себе?

[Говорящий 1]

Это означает, что у него не сформировано то, что мы называем ядром личности. То есть у него нет опоры на себя самого. У него нет ощущения своей ценности, вот то, о чем говорила Ирина, да?

Вы говорили? Да, о базовом доверии мир Татьяна. У него нет опоры на собственные ощущения своей ценности, своей значимости в этом мире.

У него нет ощущения, что я есть. Вот это вот базовое ощущение себя самого. Я есть в этом мире, я ценен, я обладаю несомненным правом быть.

И я это не просто переживаю как право, но и как свой выбор. Я есть. И я есть величайшая ценность, образ и подобие и ощущение своего достоинства, ощущение своей значимости, красоты и богатства.

Даже младенец может переживать ощущение своего богатства. Потому что его все любят, его так любят, что ему делать некуда этой любви. Он богат хотя бы только этим.

И каждый человек есть богатство. Поэтому ощущение в себе своей значимости, содержательности, своей ценности, своего присутствия, вот это внутреннее ядро личности, оно и дает человеку ощущение себя в себе. Когда это не сформировано, вот то, что Татьяна говорила, в отсутствие базового доверия, он ощущает там себе пустоту.

И тогда ему нужен кто-то, кто все время будет подтверждать, что он есть. Нарциссизм как болезнь заключается в том, что человеку страшно остаться одному. Тщеславие это как раз признак того, что человеку не хватает внутреннего самоощущения своей позитивности и своей любви.

Тщеславие это тот, кто ищет поддержку у другого. Ему нужно, чтобы ему говорили ты хороший, ты умный. Он сам себе не может этого сказать.

Тщеславный внутри безгласен. Или свое собственное мнение для ничего не значит. Тщеславный как раз в том-то деле, что он пуст.

Тщеславие это попытка снаружи получить подтверждение собственной значимости.

[Говорящий 2]

Как вы отделяете или как вы когда используете, чтобы поговорить по тестике личности, когда смотрите на себя вон там или на какие-то другие люди, от именно от тестика какой-то ответственности, независимости? Потому что мне кажется, что есть люди, которые от природы, вполне взрослые, но которые больше склонны к внешнему вниманию. Они как бы хотят быть постоянно как звезда, да, на виду.

У них как бы вот от этого. Другие люди, может быть, в силу аналитического ума, не знают, что мы, допустим, подросткового рода звезды, они более склонны критически как-то смотреть на вещи, на себя, на других, на идеи. Вот как вы как это используете, чтобы отделять это?

То есть, склонность смотреть на себя и на других людей?

[Говорящий 1]

Я бы сказал, что критерием является присутствие и того, и другого, и третьего, и четвертого. Зрелый человек сочетает в себе все эти черты, которые вы сказали, но он не погружен ни в один из них в отдельности. Он над ними.

Все и рационализм, и критицизм, и доверие, и уважение к себе. Это все инструменты строительства собственной личности. Он над ними.

Потому что я, это как раз есть та точка, к которой приложены все эти средства. Эмоциональные, интеллектуальные, и рациональные, и рациональные. Я суверен, я владею этим.

И когда мне нужны доказательства, я черпаю их через интеллектуальные свои способности. И когда мне нужна радость, я ищу, где я, в каких отношениях я нахожу это. Поэтому зрелость это владение, обладание всеми этими частями нашей жизни, нашего бытия.

А не погружение во что-то одно. Не когда они мной владеют, а когда я ими владею. То есть, вот это вот и есть суверенное бытие.

Владетеля своим, так сказать, арсеналом внутренним. Да?

[Говорящий 2]

Позвольте тоже запало по поводу, если не будете как дети, молодежь царствует, интересно, это же описали как проявление инфантилизма, идеализация, значит, отнесение, почитание родителей как всемогущих, идеальных. Но, в принципе, это то, как видится Бог, да, и как призывает церковь относиться к Богу, да, к всемогущему и так далее. С Богом и так далее.

Вот. Какое-то значение для развития личности, для преодоления такого, может быть, злокачества инфантилизма через опыт общения с Богом, именно который, может быть, сопоставлен с отношениями в детстве к родителям? Спасибо.

[Говорящий 1]

Это довольно трудный вопрос, потому что здесь, как бы, из разных планов бытия. Да, отношение к Богу в детстве у нас связано с отношением к родителю. В детстве – да, в зрелости – нет.

Потому что наше духовное развитие и познание, религиозное в данном случае, поскольку мы говорим о Боге, оно выходит из детского образа. Если мы знаем Евангелие по детской Библии, то тогда едва ли вера наша будет зрелой и взрослой? А если мы, помимо детской Библии, читали Новый Завет и Ветхий Завет уже в полном варианте, а если еще к тому же мы добавим еще и какие-то знания, полученные уже в школе катехизации или в каком-то другом учебном курсе, в взрослом, серьезном курсе, то есть мы уже критически можем смотреть на текст, и мы знаем исторические условия, в которых он создавался, и мы знаем историю Церкви, то тогда мы уже не будем смотреть на Бога как на родителей, а мы будем понимать,

что это наши внутренние, более сложные отношения с личностью Бога, которая обращена к моей личности.

И тогда я понимаю, что Бог — это не тот, на кого смотрят снизу вверх как бы в нулевом таком потенциале, а Бог — это тот, кто предлагает мне бытие с ним. Я бы привел здесь притчу «Званных на брак». Помните, там один оказался не в брачной одежде, и его выгнали.

И вот я думаю, что эта притча как раз имеет возможность толкования его в этом смысле, то есть Бог приглашает нас не просто в мир, где он ходит вокруг детей, как такой великан. Он приглашает нас на пир. «Садитесь, обедайте со мной, дети».

И с каждого он ожидает некое соответствие этому брачному пиру. И тот, кто пришел не в брачной одежде, будет изгнан вон в тьму кромешную. Значит, ожидает Господь от нас, приглашая, некоторые нашей внутренней готовности.

В том числе это можно понимать как зрелость. Потому что детская одежда какая-то простая, взрослая одежда, уже продуманная, в ней что-то такое есть, уже некий образ себя. Вот я бы так сказал, если не удаляюсь от Евангелия его и притчи.

Пожалуйста, вы хотели что-то сказать. Дело в том, что религиозность там приходит по-разному. Религиозность может иметь и детскую форму, и подростковую форму.

Она может приходиться через критицизм, она может приходиться через трагедию, может приходиться через любовь. Поэтому религиозность в нас вовсе не означает, что мы готовы к духовной жизни. Мы можем начинать религиозную жизнь бытовым образом, интеллектуальным образом, например, читая Евангелие, читая священные книги.

Мы можем начать с того, что ничего не понимая, прийти на таинство, креститься, начать притчаться и исповедоваться. А потом расти, приобретать знания, опыт и так далее. Поэтому тут возможность параллельной жизни.

Возможно, да, это вполне реально. А может быть, духовная жизнь предшествует, сначала человек задумывается о смысле жизни, потом он приходит к переоценке себя, а потом он приходит к тому, что, вообще-то говоря, не я один в этой жизни, а есть еще кто-то помимо меня. И он явно все время присутствует в моей жизни.

По-разному люди приходят, поэтому это возможно.

[Говорящий 3]

Да?

[Говорящий 2]

Я бы хотела сказать, что зрелым, взрослым человеком, в полноценном смысле этого слова, это слово можно считать только святого человека. Почему? Потому что детская инфантильность, это боязнь отказаться, и боязнь теперь скрыть, войти в что-то новое.

Также мы можем говорить про общую основу греха. Человек боится отказаться от греха, и он хорошо с этим приходит. И он боится отказаться от греха, и, соответственно, берет это все время с собой и ходит по этому клубу.

И, соответственно, опять же, это инфантилизм. То есть мы в какой-то степени можем говорить, что каждый человек у него есть в его жизни какая-то сфера инфантильности, которую он каждый раз у нас преодолевает. Тогда, если взросленец какой-то такой неоднородный процесс, то его какое-то завершение это святость.

Потому что иначе, ну, не знаю, многие могут кем-то чужой себе задумываться. Помимо социальных таких вещей, которые проявляются, есть еще вот это духовное. И оно очень так по-разному проявляется.

Соответственно, я думаю о себе, что я вряд ли смогу в ближайшие 50 лет о себе сказать, что я вот этой своей инфантильности духовной очень легко отказалась. Правильно ли это имеется? Действительно ли есть такое ощущение, что если я отказываюсь, ну, говоря, что не надо хоть это правильно, что цифровой человек, значит, это добрый человек, решимость, чтобы он взял машину и встал.

А мы сидим, потому что нам будет комфортно с нашим добром.

[Говорящий 1]

Я думаю, что это очень хорошее представление. Именно решимость, об этом Феофан Затворник написал, что духовная жизнь начинается с решимости. Решимость — это когда ребенок отрывает свою руку от руки матери и говорит, я сам пойду.

И что делает первым делом? Падает. Вот это решимость.

Вот так и мы. Мы осмеливаемся на собственный шаг, на собственный шаг. И с этого начинается духовная жизнь.

По поводу святости нет, я бы это сравнил с совершенством. То есть тот, кто в основном во всех своих сферах внутренних преодолел свою инфантильность, стал зрелым, не святым еще, а только зрелым, взрослым человеком. Я думаю, что это применимо ко всем нам в той или иной степени.

[Говорящий 2]

Если говорить только, на мой взгляд, про именно социальную сферу, то больше душевную, на мой взгляд.

[Говорящий 1]

Нет, я говорю все время о внутренней сфере жизни, я не говорю ничего о внутренней.

[Говорящий 2]

Даже социальная как проявление душевной. И как бы это одно и то же практически. Духовная, такой отказ от греха, совсем отказ от греха, это уже это именно, это святость, это больше зрелость.

[Говорящий 1]

Нет, отказ безгрешности это еще не святость. Нет. Это из иного плана.

Человек может не совершать никаких особенных грехов, он может быть как раз очень очень не инфантилен, вот так, по-детски. Он безгрешен, такой кроткий, спокойный, не смиренный, он и ничего не делает. Потому и грехов не совершает.

Он вот сидит так вот дома. Значит, совершает. Можно это так назвать, но все-таки это немножечко иное отношение.

Человек, который остается в своей инфантильности, вы хотите сказать, что он совершает против себя. В каком-то предельном смысле да, но так в обыденном нет. Как раз такие люди очень часто и выглядят святыми, совершенными, а на самом деле там просто страх шаг сделать самостоятельно.

Ну, последний, если можно, да?

[Говорящий 2]

Я хочу сказать, я хочу сказать, что по этим недоделочным очень ценен наш опыт. И таким же все-таки опытом, но, наверное, наоборот, в таком методическом, можно все-таки высказать что-то. Не посадить в него, потому что вот там же нечто случилось, да, я понимаю, что это может иметь какое-то значение, это что-то новое для меня.

Что же надо сказать? Пожить какие-то плоды. Но я вот не знаю, что с этим делать.

Вы как-то вообще что-то можете сказать?

[Говорящий 1]

Я думаю, что любой опыт, то есть факт событий вашей жизни, состояние, пережитое вами, именно пережитое, прожитое вами, как минимум оно может быть просто рассказано, передано другим. В этом смысл нашего общения. Мы общаемся и передаем друг другу то, что с нами произошло.

Вы приезжаете из путешествия и рассказываете. Вы же рассказываете не хронику. В 8.30 автобус прибыл туда, в 9.30 пришли на завтрак. Нет ведь? Вы рассказываете о своем ощущении. Вы передаете мне тот мир, который вы в этом путешествии себе создали.

Это ваш мир. Для меня он ценен прежде всего не тем, что я через ваше видение увидел там что-то, а он ценен для меня тем, что это ваш уникальный мир, который вы увидели, построили, создали. Мне не объективная реальность важна, а субъективная ваша реальность.

Потому что она наполнена чувствами, в ней есть любовь, в ней есть действие, в ней есть опыт. Как минимум это сообщается другому. Для чего мы собираемся попить чайку?

Для того, чтобы передать друг другу. А вот что сложится из этого, никто представить себе не может. Я могу свидетельствовать о том, что иные рассказы людей, совершенно бытовые, запали так мне в память, что повлияли в значительной степени на мое мировоззрение.

Вот так просто общались, что-то такое было рассказано, а я помню это до сих пор. Никто не знает, как наше слово отзовется. Вот, пожалуй, как-то вот такое, да, все очень ценно.

Все, что происходит с каждым из нас, все очень ценно. И, пожалуй, наиболее адекватный рассказ о своем прожитом и пережитом, это рассказ

именно такой вот теплый, не лишенный индивидуальности. Рассказ от сердца, рассказ субъективный.

Потому что объективный рассказ, это что-то выхолощенное, кастрированное, пустое. Тут личность важна, индивидуальность, а не хроника событий. Пожалуй, так.

Еще вопрос? Ну, давайте последний, Оля, да.

[Говорящий 2]

Опять вот к теме будьте как дети. Доверчивость ребенка, она дана ему изначально. Ребенок, ну, родился таким, верно?

Если человек в своем пути, в своем развитии, проходит сложный путь, проходит путь разочарования, трагедии, страданий, то надо очень уже стараться, чтобы остаться с этой доверчивостью, с этой доверием и к людям и к Богу. Так это заслуживает туда уважения?

[Говорящий 1]

Любое состояние человеческой личности достойно уважения. Потому что, во-первых, за ним стоит опыт, за ним стоит страдания, а главное, свободный выбор. Так что, уважение достоин любой опыта.

Но детская доверчивость, это когда ребенок совершенно спокойно убежден в том, что когда он выйдет на проезжую часть, все машины остановятся. А доверие, это тогда, когда человек посмотрел направо, налево, посмотрел, что цифра горит зеленой, прикинул, что еще никто, так сказать, не ничится там, сломя голову, пересечь на красный свет. Вот доверие, это то, что отличает взрослого человека.

А доверчивость, это то, что отличает ребенка. Доверчивость, не проверяема, она неубедительна. А доверие, оно основано на опыте, на каком-то базе.

Поэтому, я бы все-таки это различал. А то, что любая позиция достойна уважения, да, конечно. Но вы правы в одном, чтобы оставаться всю жизнь ребенком, действительно нужно затратить очень большие силы.

И, к сожалению, силы личности на это уходят невероятные. Только это плода не приносит, к сожалению. Я думаю, что ребенок не знает, кто такой человек.

И поэтому у него не доверие к человеку, а доверчивость. Только взрослый знает, кто такой другой. Потому что он себя знает.

Ему есть с чем сравнивать. А детское отношение к другому человеку поверхностное. У ребенка не хватает интеллекта проникнуть в душу другого, понять, что он человек такой сложный.

Поэтому детское отношение неглубокое. Оно поверхностное, к сожалению. Завидовать я бы ему не стал.

Есть вещи, которых он не знает, а так интересно. Спасибо. В следующий раз мы встречаемся 6 октября.